

Нет автора

Журнал «Огонек»

№42, 1950

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н57

Нет автора

Н57 Журнал «Огонек»: №42, 1950 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 44 с.

ISBN 978-5-458-69898-6

«Огонёк» — российский и советский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. С 1923 года выходит в Москве. Первый номер журнала вышел в свет 9 декабря (21 декабря по новому стилю) 1899 года как еженедельное иллюстрированное литературно-художественное приложение к газете «Биржевые ведомости», издателя Станислава Проппера. В 1918 году выпуск журнала прекратился и был возобновлен стараниями Михаила Кольцова в 1923 году. До 1940 года — выходило 36 номеров в год, с 1940 года — еженедельник. В советское время журнал выпускался издательством «Правда», в котором, как приложение к журналу с 1946 года, также выходила «Библиотека „Огонька“» — собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков.

ISBN 978-5-458-69898-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДРУЖБА НАРОДОВ ПОБЕДИТ ВОЙНУ

Мирзе ТУРСУН-ЗАДЕ

Я развернул английский атлас мира. Карты, карты... На картах различные страны, горы, моря, пустыни... На этих английских картах значительная часть советских республик Средней Азии обозначена как пустыня. Пески... Всюду пески, безводие... Какая может быть здесь жизнь?

Но английский атлас не принадлежит к числу реалистических произведений: много в нем неправильно. Его составители — империалисты — забыли, что советский Восток — это не те страны, которые они угадывают, что жизнь на советском Востоке движется вперед, что у нас за годы советской власти в республиках Средней Азии произошли колоссальные изменения. Изменилась и карта вместе с жизнью!

Если проехать по тем местам, которые обозначены в английском атласе как пустыни, то мы увидим цветущие города: Нукус, столицу Кара-Калпакии, возникшую в последние годы, Караганду, Балхаш, Джезказган — крупнейшие промышленные центры Казахстана. Мы увидим города, расположенные в местности с устрашающим названием «Голодная степь»; здесь колоссальный хлопковый совхоз «Патта-Ара», цветущие фруктовые сады. Глубоко в пески Кара-Кумов врезались поливные рисовые поля возле Чили и Кзыл-Орды.

Города, промышленные предприятия, сады, возделанные поля, новые реки — вот что возникло на значительном пространстве советской Средней Азии. И каждый год нужно вносить поправки в карты республик: наступление на природу, на мертвые пески продолжается.

Когда мы едем с востока в Москву, мы видим шлоны с машинками, с людьми, которые отправляются на великие стройки коммунизма. Электростанции и оросительные системы, которые будут созданы там, на Волге, изменят не только характер Заволжья, но и климат республик Средней Азии. А Главный Туркменский канал совершенно преобразит Кара-Кумскую пустыню, оросит более миллиона гектаров новой земли. Здесь зацветут растения, зардеют фрукты, разовьется бурная жизнь.

Нет! Нельзя сегодня верить картам, составленным вчера. Созидательный труд советских людей резко меняет географические карты. Только за рубежом, где хотят задержать постыль истории, где не хотят улучшать природу, где пытаются сдержать развитие человечества, — там переиздуют старые атласы, не обращая внимания на жизнь: в странах, где издаются эти атласы, лик земли не изменяется!

Каждый день нашей жизни приносит новое, радостное... Так хочется все увидеть, все узнать, везде побывать! Вот Фархадская ГЭС. Это — поистине грандиозное сооружение! Многоводная Сыр-Дарья течет по новому руслу, ее стремительные воды обузданы и служат человеку. Там не канал построили, а всю реку повернули и сбросили через турбины в другое русло — по пути, где она сможет больше помочь человеку.

Ирригацией занимались в наших странах давно. Еще далекие предки народов, населяющих Среднюю Азию, тяжелым трудом отводили от многоводных рек оросительные каналы, но эти каналы выглядели жалко по сравнению с сооружениями нашей великой сталинской эпохи.

И дело не только в том, что наши строители вооружены блестящей современной техникой, предоставленной в их распоряжение могучим советским государством.

Фархадгэс-гигант создан в основном в тяжелые годы войны узбекским народом. Ее электроэнергия освещает просторы нескольких районов Узбекистана, промышленные предприятия Ленинебада — второго по величине города Таджикской ССР, таджикские сельские районы Нау, Ленинебад, Чкалов, Канибадам, степные колхозы и совхозы южного Казахстана. Это колоссальное сооружение воздвигнуто совместно, в братском единении, методом народной стройки представителями народов нескольких республик и высится на границе Узбекистана и Таджикистана.

Знаменитый Ферганский канал — первенец народных ирригационных строев — создан усилиями узбекских и таджикских колхозников и орошает поля двух

республик. Таджикской Сталинабадской области вместе с узбеками построили в годы войны Большой Гиссарский канал, воды которого орошают и Сурхан-Дарьинскую область Узбекистана.

Когда, в такие времена могли народы объединиться для создания таких грандиозных ирригационных сооружений! Только сталинская национальная политика смогла сплотить наши народы в единую, братскую семью.

Народы советских республик живут дружно между собой. Нет границ их дружбе. И это в Средней Азии, где веками шла ожесточенная, междоусобная война между населявшими ее народами!

Вся история таджиков и узбеков, казахов, туркмен и киргизов полна в прошлом кровавыми событиями больших и малых войн. А сейчас от одного народа к другому идут миролюбивые вести.

Река Сыр-Дарья течет через несколько республик. На значительной части пути ее воды уже поставлены на службу народу: пропущенные через каналы, они приводят в движение электростанции, орошают поля, на которых возникло цветущее земледелие.

Потому стало возможным обуздать и сестру Сыр-Дарья — непокорную Аму. Исполня вековую мечту туркменского народа, большевики приступили к созданию Главного Туркменского канала. Туркменский писатель Берды Кербаяев в своем романе «Решающий шаг» описывает, как его народ боролся за воду и не мог ее получить. Кербаяев рассказывает, что только при советской власти, в условиях советского многонационального государства, построенного на дружбе народов, стало возможным осуществить эту давнюю мечту.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции уничтожена вражда между народами Средней Азии — одно из препятствий, мешавших их развитию, одна из причин того, что на карте много древних разрушенных городов, заброшенных земель, мертвых пустынь.

Таджикские старики еще помнят те времена, когда словом «кочевник» пугали детей, а их степи сравнивали с адом и называли местом черной смерти.

Проезжая сейчас по дорогам моей республики, я встречал большие стада козлячьего скота, который перегоняли из таджикских колхозов на летние пастбища в горы Киргизии. А на зиму киргизские колхозники пригоняют свой скот в наши долины. Многие колхозы разных республик пасут свой скот в степях Казахстана, преобразованных советскими людьми в сочные пастбища.

Как дорогих гостей, встречаем мы, таджики, приезжающих к нам представителей соседних республик. Каждый проезд всегда чем-либо полезен нам. За последние годы особенное распространение получили выезды проверочных бригад по соревнованию между хлопководцами республик. Заботой о нашем урожае полны замечания приезжающих к нам бригад; со своей стороны, и наши колхозники стремятся передать соседям-хлопководцам свой опыт по выращиванию рекордных урожаев. Вот пример истинно братской дружбы!

Подобных примеров неисчерпаемое множество. Сила народов используется на создание, на строительство счастливой, свободной жизни. И эту жизнь дала нам миролюбивая политика нашей партии, нашего государства.

Именно потому нет в нашей стране, во всех республиках сторонников войны. Народы Средней Азии воевали столетия и владели нищенским, жалким, рабским существованием. Мы свободны всего тридцать

Колхозы Нарасульского района, Ташкентской области, доставили караван мира с хлопком на заготовительный пункт хлопкоочистительного завода № 1 в Ташкенте. На снимке: караван мира на улицах Ташкента.

Фото М. Пенсона (ТАСС)

три года, и посмотрите, как неузнаваемо преобразились за эти немногие годы наши республики, наши люди, наша жизнь!

Страны, аравские жалкие существовавшие колонии, превратились в социалистические республики с высокообразованной многоотраслевой промышленностью, высокоурожаемым сельским хозяйством, красочным национальным искусством, высококачественной литературой, прогрессивной наукой, многочисленной интеллигенцией. И все это нам дали годы мирного труда, благотворное влияние ленинско-сталинской национальной политики!

Все наши народы за мир, против войны. Потому с таким энтузиазмом подписались под Стокгольмским Воззванием хлопкоробы Вахшской долины, хлеборобы Герма, животноводы Памира, нефтяники Исферы, шахтеры Шураба, горняки Канса, текстильщики и металлурги Сталинабада, шелководы Ленинабада, медики, ученые, писатели, инженеры, студенты, партийные работники — невозможно даже перечислить все профессии сегоднешнего Таджикистана. И нет такого человека в Средней Азии, который не подписался бы под Стокгольмским Воззванием.

Халипа Байсеитова — мать-героиня из Алма-Аты, подписавшая под Воззванием, сказала: «Я воспитала десять детей. Один из моих сыновей — сотрудник Академии наук, другой окончил консерваторию, третий учится в железнодорожном техникуме, дочь — аспирант, остальные дети учатся еще в школе. Только одного сына нет: он погиб под Сталинградом, защищая нашу счастливую жизнь от немецко-фашистских захватчиков. Конечно, я против войны, за мир!»

Узбекский писатель Гафур Гулям пишет: «Мой народ любит мир и жизнь, детей и семью, сады и труд, газели Навои и лирику Пушкина, любит друзей и паше соловья. И ненавидит войну. Но з то же время узбекский народ — воин. Силу народов Советской страны, выступивших на защиту мирной жизни, испытали на себе оголтелые враги человечества — гитлеровские захватчики».

Таджикские женщины, наши героические труженицы и счастливые матери, заявляют: «Мы воспитываем детей не для того, чтобы их убивали заокеанские бандиты. Мы воспитываем их для того, чтобы они пользовались всеми благами радостной жизни, созданной нашими руками в родной стране, чтобы они, так же как и мы, строили новое для себя и для будущих поколений».

Туркменская колхозница Нозбат Хуженарова, табунщик Киргизии Топонбай Асабеков, казахский комбайнер Алибаев, председатель таджикского колхоза в Канибадаме, депутат Верховного Совета СССР Ахмеджан Шарипов говорят: «Мы любим мир и сохраняем его». Они встанут на вахту мира, беря на себя новые обязательства — увеличить урожай, дать Родине еще больше хлопка и других продуктов, крепить ее силу и мощь, — ибо они знают, что только могучий Советский Союз является оплотом и гарантом мира во всем мире.

Растлвенный фашистский писак Сартр в своем последнем человекоцентристском произведении, «Смерть в душе», пытается разоружить сторонников мира, дезориентировать их. «Мир не бывает ни демократическим, ни нацистским. Мир — это просто мир», — заявляет он. Но народы Советского Союза и мыслящие люди всего мира знают, что это ложь. Мир, настоящий прочный мир, могут дать только народные правительства; только в Советском Союзе и в странах народной демократии простые люди могут быть спокойны за свое будущее.

Подлинный мир завоевали мы, граждане Советского Союза, и наш пример вдохновляет трудящихся всего мира на борьбу за мир во всем мире! Во всех странах люди доброй воли голосуют за мир, встан в нас его защиту. Голосую за мир, все знают, что на страже его стоит великий Сталин!

Поэтому неосчерпаем поток приветствий со всех концов мира товарищу Сталину в связи с его семидесятилетием. Ему, творцу мира, трудящиеся всех стран от души желают доброго здоровья и новых великих успехов в его титаническом созидательном труде.

Где бы я ни проезжал по нашей великой стране, — везде ключом бьет жизнь, везде возникают новые города, на месте пустынь обильные пашни, на месте пугающей громады заводы. Там, где вилась верблюжья тропа, мчатся поезда или автомашины. И везде довольные, счастливые лица людей, знающих, что их труд помогает скорейшему переходу к коммунизму, черты которого уже ясно видны.

Вот величественные дворцы-театры в Ташкенте, Алма-Ате, Сталинабаде, огромные жилые дома вместо кибиток, прекрасные здания школ и институтов, строящихся агрогородов.

В цветущем Таджикистане каждый день увеличивается число владельцев автомобилей, раскупаются радиоприемники, музыкальные инструменты, в большом количестве книги. И это в стране, где до революции было всего полпроцента грамотных!

Свидетельство зажиточной жизни крестьянства — миллионные доходы многих колхозов. В ленинбадской долине Таджикистана все колхозы — миллионеры. Проезжая по этой «долине миллионеров», востанно видишь, как стирается грань между городом и деревней. В колхозах преобладают, красивые постройки, свои дома отдыха, клубы, школы, больницы, море электрического света.

Вы можете по телефону поговорить с любым кишлаком, посмотреть в колхозном кинотеатре новейшую картину, увидеть, как электричество заменило труд колхозников на стражке овец, маслобойке, молотье, дойке коров...

Ушли в предание святильники-«карачирокки» — прутья, облитые льяным маслом, от которых чеду было больше, чем света. Электричество вошло в быт отдаленнейших кишлаков и аулов Средней Азии. В колхозе имени Сталина, Шугнанского района, на Памире, в этом году хлеб молотили электромолотилом. Электрический свет дошел до «Крыши мира», озвряя нашу новую жизнь.

Но стоит проехать немного дальше, за советские рубежи, как полная тьма удивит советского человека. Там, за нашей границей, в Пакистане, Индии, Афганистане, Иране — везде, где мне довелось быть, я видел беспросветную нищету, жалкие лачуги, голодных, измученных людей.

Как будто с «Крыши мира» опускаешься в подполье мира, куда колонизаторы загнали народы этих стран.

Конечно, и там есть дворцы. Индия из века славилась своим богатством, мастерством народных умельцев. Но у этих великолепных дворцов стоят часовые, одетые в американские и английские мундиры, и гора тому, кто захочет подойти к ним близко.

Тень, мрачная тень доллара и фунта легла на эти страны колониального Востока, с которыми граничат наши советские республики. Ежегодно в Индии умирает от голода несколько миллионов человек. Ужасные стихийные бедствия уносят десятки, сотни тысяч людей...

В этом году в Индии было большое землетрясение — сотни тысяч людей остались без крова. Рассказами об ужасах этого землетрясения полны индийские газеты. Однако мы не смогли прочесть о том, какую же помощь оказало индийское правительство пострадавшим. Челоовек в этих странах живет, как и тысячи лет назад, завися от капризов природы. Правители этих стран, издающие много законов, все же предпочитают всем им один закон — закон джунглей: спасайся каждый, как можешь; и гибель одного — счастье другого.

Землетрясения бывают и у нас. Вспомните 1948 год, когда в столице Туркмении было много разрушений. Побывайте в Ашхабаде сейчас. Там снова работают восстановленные фабрики, там построены тысячи новых домов. Недавно в Ашхабаде в торжественной обстановке открылся первый в Туркмении государственный университет.

Столица Туркмении быстро восстанавливается, потому что в тяжелые для нее дни на помощь поспешили люди из братских республик. Ей посылали самолеты с врачами, продуктами, материалами, людьми; в дни после землетрясения в Ашхабаде можно было встретить посланцев большинства наших республик. Все во главе с Союзным правительством пришли на помощь пострадавшему народу. Потому так быстро и восстанавливается после землетрясения Ашхабад.

Вокруг пакистанских городов нищенствует около семи миллионов беженцев из Индии, которым стало невозможно жить на родине после разделения страны на два государства. А пакистанцы изгнали со своей территории индусов.

Горечью и болью полны слова известного индийского писателя Кришан-Чандра, который пишет, что после раздела Пакистана и Индии ему пришлось уехать из родного Лагора и что там больше не могут читать его книги: их писал индус! Между Пакистаном и Индией теперь вражда.

Основоположник таджикской советской литературы Садриддин Айни живет постоянно в Самарканде, в городе Узбекской республики. Но из-за этого Айни не перестает быть таджикским писателем. Он пользуется одинаковым уважением и любовью читателей и в Таджикистане, и в Узбекистане, и во всех других республиках нашей страны. Многие таджики живут в Узбекистане, но они учатся там в школах на родном таджикском языке, читают выходящие там таджикские газеты. И узбеки, живущие в Таджикистане, пользуются теми же правами.

Великая река Индии могучий Ганг, так же как и Сыр-Дарья, течет по землям разных народов. Но что могут рассказать его воды, текущие из Пакистана, индийским крестьянам? Они могут рассказать о горе народов, о выжженных, распотанных полях, о разрушенных деревнях. Кровь убитых смешалась с водой Ганга. Всмотриваясь вверх по его течению, крестьянин может ждать только беды. Всмотриваясь вниз, он может ждать вторжения вооруженных до зубов колонизаторов.

И крестьяне этих стран смотрят вверх, на небо. По преданию восточных народов, у каждого человека есть своя звезда, которая охраняет его от бедствий. Но многие люди за рубежом понимают, что звезды, которые принесут счастье и мир, — это рубиновые звезды Кремля!

В нашей стране мы уже создали не небесное, а земное счастье, и наши взгляды устремлены на землю, которую мы перерабатываем, чтобы взять от нее все, что она может дать для счастья.

Мне вспоминается случай, которому я был свидетелем в Кабуле, столице Афганистана. Как-то наше внимание привлек шум, гвалт, звуки бубна. Мы отправились посмотреть, в чем причина шума, и увидели группу людей, которые поднимали балку. Один из афганцев объяснил нам, что идет строительство моста, который, по словам Захир-шаха, правителя Афганистана, будет занимать второе место в мире. Мы видели этот мост — жалкое сооружение, перекинутое через арку. В нашей стране за такую плохую постройку упрекали бы председателя кишлаксвета. А жителям Кабула сооружение этого мостика казалось великим событием.

Проехав от Кабула до советской границы, я не заметил никаких следов строительства. И там, в Афганистане, человек живет так, как жил много веков назад, как жили в моей стране народы до Октябрьской революции. Людей этих стран усиленно охоружают даже от сведений, что где-то есть иная жизнь. Но тщетно! Правда доносится не только до городов, но и до деревенских лачуг: крестьяне требуют земельной реформы, растут прогрессивные силы, народ рвется к свободе, и никто не сможет его остановить.

Импералисты потому и натравливают народы один на другой, что боятся дружбы народов. Они знают, что народы, дружные между собой, сорвут их кровавые планы и не допустят войны.

Дружба советских народов имеет миллионы сторонников за рубежом. Она сильнее любого блока агрессоров!

Никакие пакты, секретные соглашения не могут заставить простых людей всех стран воевать друг против друга. Труженики Запада и Востока, сотни миллионов людей взируют с надеждой на Советский Союз — они против войны, они за мир, потому что видят на примере братской семьи народов Советской страны, к какой счастливой жизни привела нас мирная политика советского правительства. К нам, к советским людям, обращены их взгляды, полные надежды, полные доверия к великому руководителю борьбы за мир — товарищу Сталину.

И они ставят свои подписи под Стокгольмским Воззванием, несмотря на преследования, несмотря на угрозы, потому что, подписываясь под этим Воззванием, они завоевывают себе, своим детям, своему народу право на жизнь, на мир, на счастье.

В степях Хакассии

3. ХИРЕН

На западе от Енисея полукольцом высоких гор охвачена огромная котловина. Это — Хакассия. Век страдала она от безводья. Немного здесь было удобных земель. И на них сидели тучные баи. Их поля и сады выпалили воду почти всей страны. Ценнейшие ископаемые дрывали в нетронутых недрах. Такой была Хакассия тридцать три года тому назад.

Хакассия наших дней, отмечающая двадцатилетие своей автономии, совсем не та. Она становится энерго-металлургическим узлом Западной Сибири, растущим на базе мощных запасов угля, металлических руд, золота, гидроэнергии, лесных богатств.

Хакассия сегодня — это страна земледелия и животноводства, развивающихся на основе передовой науки и техники. Это страна, судьба которой является ярчайшим примером победы ленинской сталинской национальной политики.

Ниже печатаем очерк о людях Хакасской опытной станции орошаемого земледелия, разработавших и применивших новый метод ирригации.

Новая система орошения земли, проводимая в Хакассии, — это возможность обработки огромных земельных массивов, это простор для тракторов и комбайнов, это ответ на требование мичуринской науки, это дополнительные миллионы пудов хлеба.

1

Огромные шапки перемаки-поля, прозимовавшие на дне каналов, всплывают наверх и, цепляясь друг за друга, несутся вперед по пенной воде. Турбин смотрит, как их выплывают баграм, срывают в кучи и жгут. Едким дымом окутана степь, запах этот всем приятен: он возвестил о приходе весны, о том, что в каналы вновь хлынула вода.

Здесь, на юге Сибири, в Хакассии, много солнца и мало влаги. Из рек вода подается в каналы, орошаю около шестидесяти тысяч гектаров земель.

Инженер Александр Георгиевич Турбин поступил на Хакасскую опытную станцию орошаемого земледелия производителем работ. Кое-чем новая должность напоминала фронт. Там окопы, а тут каналы.

— Только профиль изменился, — шутил Турбин.

Впрочем, было не до шуток. Война тогда еще продолжалась, а он вернулся с перебитыми ногами. Врачи приложили немало усилий, чтобы избежать ампутации, но раны не зажили, и поручиться за то, что они скоро заживут, никто не мог. В госпитале же Турбин оставаться не хотел. Закончив за несколько лет до войны Омский сельскохозяйственный институт, он посвятил себя ирригации. Это и привело его теперь в Абакан, на опытную станцию.

После голой степной дороги было странно вдруг увидеть белые, как снег, сады.

Директор станции объяснил молодому инженеру, что сперва он должен навести порядок на каналах: очистить их от наносов, поправить.

Турбин мог бы начертить с закрытыми глазами все магистральные каналы Хакассии. Встречались они в степи и в предгорьях Саян, их воды бились в чаще тайги. Ему довелось работать в одной из отдаленнейших ирригационных систем области. Он хорошо знал, как там бережливо относились к влаге, как при малейшей утечке волновались люди; да и сам он не раз ночью просыпался, прислушиваясь к шуму воды.

На полях, куда попадала вода, Александру Георгиевичу предстояло работать впервые. И он поразился: как здесь неэкономно расходуют воду!

Возвращаясь вечером на квар-

тиру, Турбин скидывал сапоги и принимался за перевязки. О них, кроме старушки, в доме у которой он жил, никто не знал.

...На опытной станции новым инженером были довольны. Нравился он и землекопам, которые трудятся под его началом. Один лишь Турбин не был удовлетворен своим положением. Он шел на станцию, уверенный в том, что перед ним откроются двери науки. На самом же деле его к научной работе привлекали мало, и это коробило. Несколько раз он собирался поговорить с директором, да никак не выходило. Турбин всегда отличался застенчивостью.

Помогло одно обстоятельство: уехал заведующий отделом гидротехники, и Турбин его заменил. Теперь, помимо ухода за оросительными каналами станции, Александру Георгиевичу вменялась в обязанность бывать в колхозах, следить за правильностью полива, помогать сельским поливальщикам. Стали прилетать Турбина к разработке научных тем.

Вскоре многие на станции удивились переменам, происшедшим с инженером, хотя он попрежнему был малоразговорчив. Однажды на совещании Турбин выступил с резкой критикой тех самых ин-

струкций, по которым ему предлагали работать.

Хакасы высоко ценят орошение: они знают, какую большую пользу приносит оно. В одной старой книге Турбин прочитал о том, что старые подтаежные деревни: Монок, Юдино, Табот, Без, Уты и Сабино, — не считая молодых, славятся умением устраивать орошение полей, и в степи и на склонах гор они владеют прекрасными пашнями. В некоторых из этих сел побывав Турбин и был огорчен, узнав, что орошение там захирело.

— Вся вода растратили, — говорил ему старые люди. Они критиковали существующую систему орошения, и эта критика совпала с мнением Турбина.

Подолгу инженер проставал над постоянными каналами, с грустью наблюдая, как вода из-за обилия бурьянов все медленнее и медленнее течет на поля. Колхозники брались, предполагая, что кто-то нарочно закрыл воду. Между тем эти бурьяны, елтывя в себя влагу, не давали ей хлынуть на поля. Сорняки, созревая, осыпались, и стоило подняться ветру, как их семена вместе с водой уносило в степь, на поля.

Существовал в Хакассии иной способ орошения, называемый «дикими напуском». Из распределительного канала воду пускали прямо на поля. Она немедленно заливала низкие места, образуя там глубокие озера. Бурья же оставались сухими. Стоя по колени в грязи, ирригаторы, стараясь направить воду по нужному руслу, лепили запруды. Не одну сотню ямлат с тяжелой жижей приходилось человеку перебросить, пока он хоть сколько-нибудь отрегулирует поля, но все равно половина воды пропадала.

— Чем должна быть опытная станция для хакасского земледельца? — спросил на одном совещании своих товарищей Александр Георгиевич. — К нам приезжают со всех концов Хакассии за новым, и мы должны это новое людям давать. А что представляет собой наша система орошения?

Критика была правильная, но не так-то легко было все изменить. Турбин не переставал думать над этим. То рисовал он себе сложные дождевальные машины, то

какие-то необыкновенные трубы. Все это не годилось: колхозы нуждались в простом, доступном способе орошения. И Турбин считал, что следовало побольше приглядываться к народным способам. Инженерные же каналы ничего, кроме раздражения, в нем не вызвали. Стоило прицепить к трактору культиватор и селюку, агрегат развернуться где-нибудь, кто-то удачно сказал, что постоянные оросительные каналы для колхозов — то же самое, что звенья: и те и другие тащат сельское хозяйство назад.

Турбин приступил к опытам. Нарезал длинную борозду со множеством извилины. Пустил в нее воду. Лишь только она выходила за борт борозды, он подсыпал землю. После этого нарезали борозду большего сечения. Вода равномерно орошала землю. Это и был в какой-то степени прообраз будущего временного канала.

Требовалось научно обосновать превосходство новой системы. Нужно было ответить на вопрос: где больше потеря воды, в постоянных или во временных каналах? Установили в тех и других водомеры. По сигналу пустили воду. Через каждые пять минут в журналы записывали уровень. Столбики цифр росли. Записи производились в течение 48 часов непрерывно. И вот наступила минута, когда все журналы закрылись, и Турбин засел за обработку данных. Море цифр! Целую неделю подводились итоги. Временные оросительные каналы одержали победу: потеря у них была меньше. Оставалось приступить к их нарезке. Ручным способом этого не сделать, требовались специальные орудия.

2

Сперва кузнецы смеялись: их забавляло, что взрослый и образованный человек увлекся игрушками. Каждый раз Турбин заходил в кузню с новыми рисунками. То просил он отковать ему маленький плуг, то какую-то крошечную перемычку. А там пошли такие замысловитые «игрушки», что и разобрать было нельзя. Кузнецы ворчали, а потом просто стали отказывать инженеру.

Пришлось обратиться к дирек-

...Рядом с Александром Георгиевичем Турбиным стоял Дмитрий Прокопович Сидев.

тору станиц, и тот все уладил. Кузнецы беспрекословно выполняли заказы молодого инженера. Вскоре он явился к ним с чертежами бороздодела. Кузнецы посмотрели на огромные габариты будущего орудия и сказали, что на это у них металла не хватит.

Турбин вызвался сам достать железо в городе и в ту же ночь привез на подводе старую раму от плуга. Кузнецы принялись за дело. Когда орудие было готово, его прицепили к трактору и начали испытывать. Бороздодел, врезаваясь в землю, выбрасывал по обе стороны грунт. Так возник оросительный канал, по которому должны были пустить воду.

Но, когда вода коснулась бортов, они повалились и вода хлынула мимо. Вновь и вновь возобновлялись опыты. Особенно неблагоприятно было на пониженных участках. Там земляные борты превращались в жижу. Турбин нервничал. Без ручной помощи орудиями ничего не получалось. Возникло опасение, что образуются озера, как при едком напуске.

Опыты пришлось прекратить. Турбин надеялся через несколько дней возобновить их, но начался холод, и земля застыла. Никогда не думая Турбин, что долгая его работа закончится так печально.

Зима прошла в непрерывном поисках. Ночами инженер просиживал за опытами и расчетами.

Наконец Турбин обнаружил недостаток своего орудия. Он решил придать к нему боковые ножи, которые сгребали бы землю с внешних сторон и накапливали ее возле бортов. После того как орудие было готово, зима стала казаться инженеру невыносимо долгой. Поскорее хотелось приступить к новым опытам.

И вот в майское утро они начались. Вывели новое орудие в поле. За Турбиным неотступно следовали кузнецы. Новые ножи действовали прекрасно. Они аккуратно сгребали землю и укладывали ее в высокие и прочные борты. Пустили воду, и она шла по точно намеченному маршруту.

Погрузив бороздодел на автомашину, Турбин отправился в колхоз «Красная заря». В прочности каналов он теперь был уверен. Все обошлось хорошо. Закончив работу, Турбин вернулся к себе на опытную станцию. Орудия пока оставались в колхозе.

Спустя некоторое время за ними послали, но их не оказалось. Новые каналы понравились колхозникам из соседних сел, и они увезли орудия к себе.

Турбин решил проехать поля на более сложном рельефе. Он выехал для этого в Аскизский район, в село Усть-Есь. Поля колхоза лежали в узкой долине, вдоль которой тянулся магистральный канал.

Много горя видел эта долина и этот канал. Об этом Турбину рассказывал в первую же ночь приезда Сидев.

Турбин постучался к нему в окно. Дверь открыл невысокого роста коренастый старик в черной расстегнутой кофеворотке. Это и был Дмитрий Прокопович — старейший ирригатор в Усть-Есь. Долго сидел он с гостем и рассказывал об орошении.

— Каждый тянул воду себе, — говорил старик. — У кого земля была поближе к каналу, тот просто воровал, а кто подальше жил, оставался без полива. Из-за этого происходили драки.

Когда на утро Турбин попросил у председателя колхоза в помощь себе поливальщиков, тот заупрямился:

— У меня их всего двое: Сидев и Чертыгашев. Что же, я вам их отдам, а сам с кем останусь?

— А вы дайте мне молодых, — ответил спокойно Турбин.

— А что толку, скажите, в молодых поливальщик должен первым делом быть.

— А нам силчак вовсе и не нужен, у нас не такая работа, — продолжал Турбин.

Вскоре и Турбину явились три хакасские девушки.

— Мы никогда не поливаем, — испуганно заявили они.

— Там лучше, — ответил им Турбин.

Девушки решили, что приезжий над ними шутит. Но вскоре убедились, что это не так; он вручил каждой переносную перемычку для регулирования воды и показал, как работать.

На помощь первым девушкам пришли другие. Всем хотелось принять участие в этом необыкновенно удобном и красивом поливе. Заранее нарезанные каналы освобождали человека от тяжелого физического труда, вода равномерно распределялась по полю.

Турбин стоял на склоне горы и смотрел, как по только что нарезанным временным оросительным каналам бежит вода. В очках, в клетчатой спортивной рубашке, в лыжных штанах, заправленных в кирзовые сапоги, он скорее напоминал студента, приехавшего на практику, чем ученого.

Постепенно поле увлажнилось и заблестело, как одно большое зеркало, повернутое лицом к солнцу.

Подобного в Усть-Есь еще не бывало.

Рядом с Турбиным, опираясь на лопату, в высоких резиновых сапогах стоял Дмитрий Прокопович Сидев. Он не знал, радоваться ли ему или горевать. До сих пор его считали лучшим ирригатором. Сам секретарь райкома партии сказал о нем: «Наш мастер орошения». Но теперь слава как будто бы кончалась: ведь новая система, рессурсив сам с собой старик, не требует больших мастеров. Зато какая помощь колхозникам! И старик вместе с другими радовался и любовался тем, как вода охватывала все большее и большее пространство, нигде не задерживаясь, не оставляя ни одного сухого местечка. Тяжкому труду поливальщика пришел конец.

— Вода стала похоронной, как отец, — смеялся Дмитрий Прокопович.

Но все же старику никак не удавалось прогнать грустные мысли. Турбин точно угадал, о чем грустит старик, и вдруг произнес:

— Дмитрий Прокопович, теперь вам в Усть-Есь делать нечего будет: молодежь справится, а вас назначили профессором орошения всего района.

— Каким еще профессором! — недовольно проворчал Сидев и пошел в карман за кисетом. Закурил затям цыгарку, слустился вниз и побежал с перемычкой в руках вперед быстрого потока.

3

На сжатых полях, окруженных синими горами, люди склонились над золотой стерней. Что удивительного нашли они там в это солнечное, по-осеннему теплое утро? Стерня как стерня. Но легко было заметить, что, помимо нее, здесь червяют длинные полосы. Это были следы, оставшиеся от недавних временных оросительных каналов. Ни одного верхка пахотной земли не пропало. На дне каналов вырос хлеб. И на поле не осталось ни одного сорняка.

Превосходство новой системы можно было по-настоящему понять, сравнив два сжатых поля: одно, где действовали постоянные каналы, а другое — с временными. На первом поле уборки торчал густой лес бурьяна. Десять процентов посевной площади пропало зря. На втором поле лишь чернели узкие полоски, напоминавшие о том, что по полю проехал канавозаделыватель. Земля вновь была готова к сею.

Дни в Хакассии стояли горячие. Закончилась уборка урожая. Шла сдача хлеба государству. Целыми днями мчались по дорогам огромные машины, доверху нагруженные зерном. На одной из переправ через реку Абакан паромщик сказал мне, что легких машин не видно, все теперь в глубинке. И все же многие приезжали в Усть-Есь.

Увидел я здесь Героя Социалистического Труда Ефросинью Макарову. Как и всегда озабоченная, она рассматривала орудия Турбина, стоявшие на краю поля. У нее в колхозе все еще хранили портилки, как она выражалась, постоянные каналы. Ближе всех к Турбину, по-братски пожимая друг другу руки на плечи, стояли двое приятелей: тракторист и комбайнер.

Не раз по пути в Хакассию нам попадались эшелоны с комбайнами. Еще в Москве говорили, что они с самого юга страны перебираются в Сибирь. Это повторяется из года в год, стало традицией и все равно волнует.

Когда нашему поезду случилось обогнать комбайнеров, чаще всего они с грустью глядели нам вслед. Мы объясняли это их страстным желанием поскорее добраться до места. Поблизке бы с ними познакомиться, да все никак не выходило: то мы обгоняли их, то они вырвались проносившись мимо наших окон. Одна оставалась надежда — встретиться где-нибудь в Хакассии.

Что же, так оно и получилось. На второй или третий день приезда в Абакан по мостовой прогромак трактор с комбайном на прицепах. Молодой хакасский тракторист вместе со своими товарищами встретил комбайнера на станции и сейчас гостя своего — именно своего, потому что им предстояло работать вдвоем, — провожал в колхоз. На трактор посадил помощника, а сам с гостем шествовал за сбоевой тактикой. Казелось, по встречались братья после долгой разлуки.

Тракторист привел друга посмотреть необыкновенные полосы на золотой стерне. Сделал он это специально. Хотелось, чтобы тот взамен оставленного в Хакассии комбайна увез к себе домой, в Крым, кусочек опыта. Развернул номер «Правды», в котором изображена была схема новой оросительной системы, два друга пристально вглядывались в черные полосы земли, как бы стараясь найти общее между схемой и живой действительностью.

— Вот они, временные, — с гордостью произнес хакас.

— Нам бы такие, — тихо сказал комбайнер из Крыма.

Тогда еще они не знали, что через несколько дней Крым войдет в шеренгу величайших сталинских строек современности. То, о чем мечтал комбайнер, становилось явью.

В то утро все увидели в орошаемой долине хакасского села Усть-Есь зримые картины ближайшего будущего, когда временные оросительные каналы войдут в быт советского села — как вошли уже в него трактор, комбайн, электричество — и огромные массивы колхозной земли не будут больше зависеть от погоды.

***

— Что же будете вы делать теперь? — спрашиваю я у Турбина. — Так ведь это — начало. Сейчас только и начинается главное — внедрение, — ответил он.

...Но только что врезанным временным оросительным каналам побегала пеннистая вода. Фото С. Миколюцкого (ТАСС)

Фото А. Моисеева

ЭТОТ МИР-МОЙ!

У нее уже затекла рука, державшая фонарь. Свет от фонаря, желтый и неаверный, обливала забинтованные ноги.

Свет, казалась, дробился, повторяясь маслянистыми мазками вдоль линии железной дороги. Берта смотрела туда, на огни станции. От напряжения у нее заболели глаза, и Берта испугалась, что не увидит, когда муж и мальчики покажутся на дороге. А после шести лет разлуки ей хотелось увидеть сыновей еще там, у станции, поскорее. Она переахнула фонарь в другую руку. Язычок пламени подпрыгнул, и Берте показалось, что так же болезненно подпрыгнуло ее сердце.

***

В ту ночь, шесть лет назад, была такая же темень и такой же прыгающий язычок фонаря. Муж вернулся заплохо. Берта посмотрела на серое, помпоее лицо Александра. Ей очень не хотелось просить его помочь ей по дому, она знала, как он устает теперь. Но ничего не поделаешь. Прошли те времена, когда они жили на хуторе Тикмани. Тогда он был молод, и ему все было нипочем. Муж приходил из лесничества (он работал лесным рабочим) пахнущий смолой, обрызганный твердой росой опилок. Он входил и говорил:

— Ну, козявка, какие у тебя работы?

А в сороковом году он возвращался в дом еще веселее: они тогда, как и другие в Лавини, получили землю. Берта позвала ему на руки, а Александр смеялся: «Прямо жаяко смывать эту землю, ведь своя земля. Смотри, она так и вьедается в ладони!» И Берта тоже улыбалась.

А теперь он приходил с серым, помпатым лицом, нехота мылся, нехота ел.

Встав из-за стола, он подходил к кровати, где посылавали спать Виктор и Арнольд. Из угла Берта, глядясь сквозь полумрак комнаты, видала, вернее, чувствовала, как он стоит, заложив руки в карманы брюк, покачиваясь на носках, и слушает дыхания мальчуганов. Она именно чувствовала это, потому что в доме было почти темно. С приходом гитаровцев ушло все: не только земля и благополучие, даже керосин. Муж теперь совсем не видел сыновей. Немцы послали его батрачить к помещику в Русь. Он уходил в тем-

Галина ШЕРГОВА

ноте и в темноте возвращался. Он мог только слышать дыхание спящих мальчиков.

Но в тот вечер Берта сказала ему лукаво: — Сейчас ты их увидишь. — Она зажгла фонарь и поднесла его к кровати.

Александр удивился: — Откуда у тебя керосин? — спросил он. — Я у шофера бензин достала. Пойдем, помоги мне посмотреть скотину.

Муж покачал головой: «Бензин — это опасно. Взрывается, говорят. Они выжили. Все произошло почти одновременно: стукнул засов серая, прямо в лицо им пахнуло шумное, как колыбания кузнечных мехов, дыхание коровы, и равнулся, обдавая огнем, грохот взрыва. Дальше Берта не помнила ничего. Уже потом, в больнице, когда она, обожженная, ощущала только непроходящую боль ноющего, искоржженного тела и Александр с забинтованными руками сидел над ней, он рассказал, как сам, дымящийся, катап ее по траве и тело ее билось вместе с пламенем, жующим ее одежду.

Вот отсюда и началось все самое страшное. Пока она лежала в больнице, гитаровцы угнали Александра в рабочий батальон.

Дождь барабанил по окнам, и учительница Дирвейка даже не могла сначала разобрать, кто это стучит в окно, человек или дождь. На всякий случай она открыла дверь и, несмотря на темноту, узнала человека. Конечно же, это Александр Шапель, хуторянин из Русь. Потому, что шел дождь и лицо у Александра было мокрое, и потому, что Дирвейка знала, какой это крапкий человек, даже в комнате на свету она не поняла, что он плачет.

Она заметила это только тогда, когда он заговорил. Он сидел у стола, стиснув заскорузлыми руками лицо, и, беспомощно вскрикивая, рассказывал. Он говорил сбивчиво, теряя мысль, но Дирвейка поняла, что обожглась Берта, что его угоняют немцы, что мальчиков сдают в приют в Скайсталине. Учительница Дирвейка металась по дому, доставая откуда-то последние запасы сладостей, совала из Александру и приговаривала:

— Вот, отдайте мальчишкам, господин Шапель. И не волнуйтесь. Я буду ездить в приют.

Я присмотрю за ними. Господи, и когда же конец этим несчастиям, господи!..

А конец был близок. Очень близок. В августе сорок четвертого года от оружийного гула задрожали крыши хуторских построек. К хуторам подходила Советская Армия. Но ее приход, знаменовавший конец несчастью для миллионов людей, еще не избавил Шапель от горя. Оккупанты отступали, угоняя людей, скот, вывозя все, что можно было захватить впопыхах.

28 августа в Скайсталине из дверей приюта суматошно и грубо вывели детей. Их рассовали по телегам, и, ахляя скрипучими колесами, удаляясь узкие следы в мягкий асфальт, странный обоз потянулся к Риге. Там детей атащали на палубу парохода, и, неумолимо прохрипев гудком, пароход ушел. На воде следов не оставил. И как ни рвалось сердце у Берты, как ни ныло оно у Александра, им не отыскать было пути, на котором затерялись их мальчики.

***

В общем рассчитывать было уже не на что. Он объездил все детские дома Риги. И все-таки всякий раз, когда ему говорили: «Вот эти тридцать девятого и сорок первого года рождения» — и особенно если мальчуганы были светловолосые и голубоглазые, Александр испытующе, почти умоляюще заглядывал им в лица. До чего же хотелось найти хоть одну похожую черточку!

Они с Бертой жили теперь на хуторе Брукенин, у самого полотна железной дороги, и Александр был путавым рабочим. Берта, бедняга, все еще хворала: после того ожога так и не удалось ее вылечить окончательно. И он старался не говорить с ней о детях: что уж беречь раны! Только раз в месяц он отправлялся в Вецуминьки. Он шел, глядя под ноги и подробно обдумывая разговор с учительницей Дирвейкой. Она жила там, в Вецуминьки. Каждый раз по дороге он придумывал тысячи планов и до слова знал, что скажет, но каждый раз, правда, садился и, почему-то крутя бахрому от скатерти, говорил: «Что же делать, товарищ учительница?»

Последний раз Дирвейка посоветовала поехать в Ригу, в редакцию газеты «Цини». Он поехал. Но там тоже ничего не знали о маль-

чиха и сказали: «Этим вопросом занимается отдел по репатриации при Совете министров Латвии. Видимо, ваши сыновья были вывезены гитлеровцами в английскую или американскую зону оккупации Германии».

Он пошел в отдел по репатриации. Там разговор был долгим, мучительным и сладким, потому что и мучительно и сладко было вспомнить ему приметы и черточки его мальчуганов. А в конце разговора инспектор отдела сказал: «Не беспокойтесь, мы добьемся возвращения всех наших детей на родину. Мы известим вас».

Через несколько месяцев он получил письмо из отдела по репатриации. Еще тогда, по дороге в Ригу, то и дело вынимая из грудного кармана извещение, он наизусть выучил его: «Виктор и Арнольд Шакеля 27 августа 1949 года вернутся на родину из города Клинберга, из английской зоны оккупации Германии». Да и соседи его по вагону тоже, наверное, выучили: столько раз он показывал это извещение. Он забыл о нем только, когда в детском доме ждал встречи с мальчиками.

Они были вдвоем в зале, Александр и директор детского дома. Александру казалось, что директору не заметно, как он волнуется, но то почему-то все время повторял:

— Ну, перестаньте же, ну, возьмите же себя в руки. Теперь ведь они здесь. За два месяца дороги их подобрали и подлечили. Вы же сами читали истории болезни.

Да, он читал истории болезни, он все знает. Александр заметил, что у него мокрые щеки, только тогда, когда директор сказал ему об этом. И наконец они вышли откуда-то через заднюю дверь зала. Наверное, надо было броситься, схватить их на руки, но Александр стоял, не в силах даже пошевелиться. Мальчики тоже стояли и почти равнодушно, разве несколько удивленно, смотрели на него. Тогда директор сказал Арнольду, младшему: «Ну, а если бы ты увидел лапу, ты бы унял его?» Арнольд молчал. И тогда вдруг Виктор засмеялся: «Глупый, ведь это лапка и есть!» — и бросился к Александру...

...Два дня они пробыли в Риге, а потом Александр сказал:

— Теперь поедем к маме.

Виктор удивился:

— К какой маме? В Германии нам сказали, что у нас нет мамы. Нам сказали, наша мама умерла.

А мать ждала их, стоя ночью на дороге, вглядываясь в темноту, и свет от ее фонаря, казалось, дробился, повторяясь желтыми маслянистыми мазками огня вдоль полотна железной дороги.

***

Арнольд спросил:

— Слушай, а для чего бывает кошка?

Виктор сказал, он уже знает:

— Для мышей, она ловит мышей. Таких, как у нас в кино. Помнишь «Слон и кролик»? Кролик бросал в слона мышам. Помнишь?

Помнит ли? Еще бы! Он знает наизусть все пленки, они их крутят каждый вечер. Да, если бы Лауме или Карлосу из приюта они рассказали, что у них теперь есть свое кино, никто бы не поверил. А у них вот есть. Отец подарил. И кошка есть. Что такое кошка, тоже никто в приюте не знал: там не было кошек. О корове или свинье даже говорить не приходится. А они захотят — и могут хоть каждую минуту смотреть на корову. Даже поглядеть. Здорово! Поэтому Арнольд предложил: «Пойдем поглядим корову».

Берта из окна смотрела, как мальчики, пробираясь сквозь лиловые заросли эстри, двинулись к сараю. Она стиснула руками подокошник так, что у нее побелели пальцы. Сами, сами идут к корове — и не боится! Когда к ней приходили соседи и жаловались, что не могут справиться с ребятами, Берта завидовала им. Лучше бы уж сорванцами были ее дети. А она каждый день смотрела в их репутанные глаза и думала, что этот страх, который вселился в них за шесть протостских лет, никогда не уйдет.

Они боялись всего: хлопала дверь — и мальчики вздрагивали, входил отец — и они вскакивали с места; даже кошки боялись. Когда Виктор первый раз поглядел кошке, он посмотрел на мать такими заискивающими и умоляющими глазами, что у Берты дрогнуло сердце. Она прошептала только: «Играй, играй, это можно, тут все твоё. Можно».

Только они с Александром знают, какая была радость, когда мужу однажды поманил ее на улицу и почему-то шепотом сказал: «Нет, ты только посмотри, что делается!» По дорожке, задевая головой низкие, тяжелые сваки рабиновых гроздей, зажав между ногами раму — с седла он не доставал до педалей, — ехал на велосипеде Виктор.

— Сам научился, я и не заметил, как, — прошептал Александр.

Да, много времени потребуется, чтобы внушить детям, что их окружает иной мир. Рассказывают, что в Лиепайе один из возвращенных на родину мальчиков гулял с матерью на улице. Вдруг у кирпичного здания он упал на землю и, дико косясь на бурую стену, забился в истерику, крича: «Тюрма! Тюрма! Не отдавай меня в тюрьму! Не надо меня в тюрьму!».

Но Виктор и Арнольда обступали теперь не тюремные здания, не готический аскетизм тажелых, нависающих стем клинбергского приюта. Вокруг них, прямо за хутором, бушевал мир лохматых трав, в которых было слышно, как заводят маленьки часы кузнечники, было видно, как муравьи таскают зеленые сваи будущих домов. Их окружал мир с рабыми речными отмелями и стедриновыми малявами с загорелой сердцевинной, с воздухом, настоянным на муравьином спирте и листьях черной смородины. Такой мир был в Канкарах, куда они переехали теперь, такой мир был и по дороге в Вецуминьки, куда Виктор ходил в школу.

***

Для учительницы Дирвейки Виктор был необычный ученик. Правда, занималась она с Виктором по общей программе и на латышском языке. Некоторым взрослым в Вецуминьки казалось странным, как это мальчики не забыли в Германии родной язык. Более того: Виктор рассказывал, что в Клинберге им преподавали латышский. Дирвейка знала, в чем тут дело. Конечно, в этом меньше всего было уважения к национальности детей. Английская разведка готовила кадры, и будущим разведчикам, которым нужно будет забросить в советскую Латвию, пригодится родной язык. Но все-таки Виктор сильно отстал от других учеников Дирвейки.

Навостать упущенное было не самое сложное. Труднее было воспитать в мальчике доверие к себе, к другим учителям, к товарищам. Как-то она объясняла ему урок. Виктор, видимо, не сразу понял. Дирвейка сказала:

— Ну, а теперь расскажи мне сам.

Он молчал. Она объясняла еще раз и попросила повторить. Тогда он вдруг асқонил и хрипло прошептал: «Не бейте меня, пожалуйста, не бейте. Я сейчас пойму». Дирвейка взглянула на него:

— Я и не собираюсь тебя бить. С чего ты взяла?

— Господин Межс в приюте бил нас, когда мы не понимали. У него всегда была в кармане палка, и когда мы не понимали, он бил нас по рукам. А воспитательница, госпожа Закис, сажала нас в нарчар, — и мальчик как-то съехился.

Дирвейка гладила его по голове и говорила, как если бы он был совсем крошечным и ему нужно было объяснить элементарное:

— Здесь тебя не будут бить. Здесь учат всех детей и, если они чего-нибудь не понимают, им говорят: это вот так и так. Для того и школа построена, и учителя для этого. Для детей, для всех детей.

Он спросил:

— А те, которые работают? Как же учатся они? У нас в приюте четырех мальчиков отдали немцам в сыновья, так они не учились, они работать стали. Карлос приходил потом в приют, он сам сказал.

— Кто это Карлос?

— Вот один из этих. У него никого настоящих родителей не было, Межс сказал. — Он помолчал, потом прибавил: — А может, и были у него настоящие родители. Межс сказал, что у нас тоже мамы нет, а она вот есть. И дома, Межс сказал, нет.

— Они не хотели, чтобы ты помнил о родине, — сказала Дирвейка.

Видно, это мучило его давно, потому что он уж очень испытующе посмотрел на нее, как бы требуя самой точной правды.

— А что такое родина? Нам в дороге объяснили. Но я так и не понял.

Действительно, это ежминутно зримое и оцутимое было трудно объяснить. Но Дирвейка сказала так:

— У всякого человека есть родина: это дом, где ты родился, где живут твои близкие, это земля, которая тебе дороже всего. Вот дерево и дерево, слова и слова, но дерево, которое ты увидел у себя под окном в детстве, и слова, которые ты услышал от матери, дороже тебе всех деревьев и всех слов. А на твоей родине тебе принадлежит весь мир: деревья растут для тебя, города строятся для тебя, и хлеб в поле шумит для тебя. Такая уж у тебя родина. Весь мир, который открыт вокруг тебя, твой. Он живет для тебя, а ты — для того, чтобы этот мир становился лучше. Но это надо почувствовать. Это выучить нельзя. — Она помолчала, а потом сказала: — Война отняла у тебя родину и мир. А теперь, когда они снова твои, есть люди, которые хотят отнять их.

Он испуганно сказал:

— Не отдавайте, не надо!

Да, он еще не все понимал. Арнольд, тот малыш и не задумывается ни о чем. А он, Виктор, должен разобраться во всем, что происходит. День ото дня в его голове толпились все больше и больше вопросы.

В школе то и дело он наткнулся на непонятные слова: «колхоз», «эпоноверский лагерь», «соревнование»... Другим мальчикам Дирвейка просто бы объяснила здесь же, в классе. А его она брала после занятий, и они уходили в поле, на кохозные поля, где стояли золотые тучи вокруг молотилок, и объясняла те непонятные в классе слова.

***

Лето, второе лето их жизни в Канкарах, было спелым и буйным. Виктор и Арнольд целый день проводили у реки. Дела начинались им свет, им зоря. Еще бы: в 4 часа нужно было уже удить рыбу! Правда, Виктора волновало, что скоро в школу, а Арнольд совершенно неграмотный. Поэтому он брал с собой на реку книгу и, когда они не шлепали босиком по мели, заткнул книгу за ремешок, или не лазил по деревьям, читал, подперев кулаками щеку, уткнув локти в траву. Но этот чудак Арнольд не слушал. Он и не смущался, что не знает ни слова в книжке.

— Тебя там ребята возьмут в работу, — Виктор хотел пригнать его.

Тот только ухмылялся:

— А им какое дело! Каждый отвечает за себя.

— Как же «за себя»? Тут все совсем не так, ты еще не умеешь жить в Советском Союзе.

Арнольд обижался:

— Получше тебя умею.

Берта смеялась, что «сглазила» ребят: с Арнольдом теперь не было сладу. Виктор, тот хоть и не робел больше, но слушался мать. На зиму их было решено отправить в школьный интернат: и дешево — 40 рублей в месяц вместе с питанием — и, главное, не будут ходить в мороз за 7 километров на занятия. Виктор опасался за Арнольда: «Боюсь, он не сумеет жить по-советски, он же ничего не знает!»

С откоса у реки было видно, как с головой ныряли в зелень хутора, обрыганные яркими, горячими пятнами ягод рабины. Арнольд тронул Виктора за рукав и кивнул туда, на хутора, в поля:

— Это все наша!

Виктор, удивленный, оглянулся:

— А ты откуда это знаешь?

— Вот и знаю, но одному тебе знать. И там, дальше, где небо с землей сходится, тоже наше, вся земля, все города наши, и все люди нам товарищи. Вот! — Он был очень горд, что так поразил Виктора.

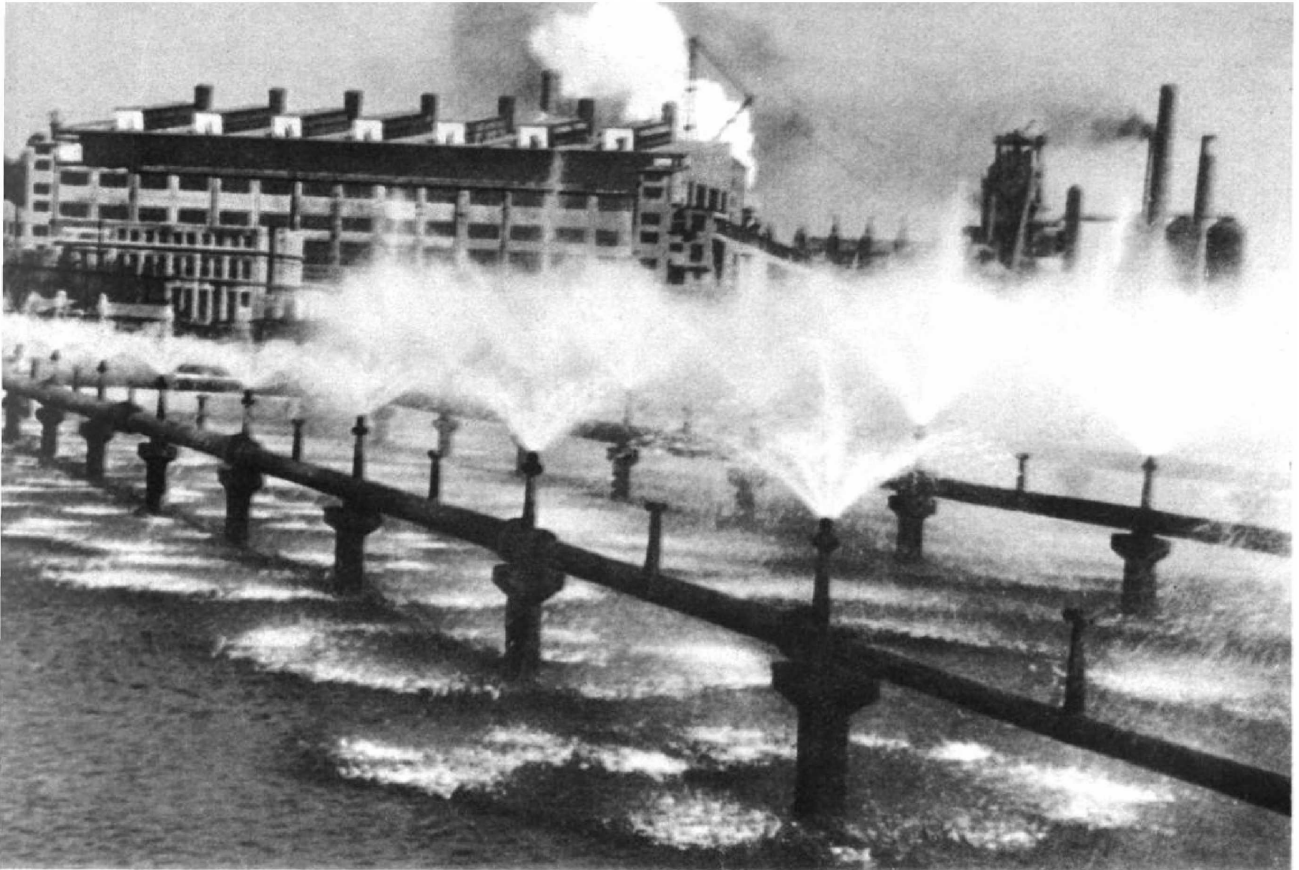
Виктор посмотрел туда, на деревья у хутора, и вдруг почувствовал, как дороги они ему, как непохожи на все деревья, которые он видел на свете. Он еще не знал для этого слов, но подумал, что если бы Дирвейка спросила теперь о том, что так подробно объясняла ему, — о его мире, о родине — он, может, и не рассказал бы ей этого, но ощутил бы смысл ее слов. И он прошептал, как тогда у Дирвейки:

— Не отдавайте, только не отдавайте этого. Этот мир мой!

На ленинградском заводе «Электроаппарат». Слесари-сборщики Б. А. Жуков (справа) и П. М. Горбунов собирают мощные выключатели.

Фото Б. Уткина

Криворожский металлургический завод.

Фото Г. Зельма

На Казанском комбайновом заводе. Контролер В. М. Иванов принимает от слесаря-сборщика Н. И. Кенеева готовые комбайны.

Фото И. Соловья

БЕРЛИН В ДНИ СЛАВНОЙ ГОДОВЩИНЫ

Торжественно отпраздновали немецкие трудящиеся первую годовщину со дня образования Германской демократической республики.

Нарядно и красочно выглядели в этот день улицы и площади Берлина, расположенные к востоку от Бранденбургских ворот. Вдоль развешены ярипы трехцветные национальные и красные флаги, белые и синие полотнища с эмблемами Национального фронта демократической Германии и Союза свободной немецкой молодежи. Под сенью знамен — плакаты, воззущие к борьбе за мир и к созидательному труду.

«Матери! Наши дети не должны быть пушечным мясом американских поддвигателей войны!» — призывал алый транспарант на одном из народных предприятий в центре Берлина. А под ним, на стене, большими буквами слова: «Ами, го хой!» (американцы уберите! домой!). «Мы отстоим мир и счастливое будущее для наших детей», «Выберем кандидатов, которые выступают за дружбу с Советским Союзом, со странами народной демократии и со всеми миролюбивыми людьми!» — призывают транспаранты, вывешенные на Фридрихсштрассе.

С раннего утра и до позднего вечера в демократическом секторе Берлина не прекращалось оживленное движение. По главным магистралям города с оркестрами и знаменами шли колонны Союза свободной немецкой молодежи. Двести тысяч жителей германской столицы в этот день выстроились в колонны восточной или западной — они проминают.

По иному прошел день 7 октября 1950 года в западных районах Берлина. По улицам курсировали усиленные патрули штурмовской полиции, обыскивавшие прохожих.

Иными эрцями и бесчинствами отметили этот день «правители» западного Берлина. Но как ни усердствовала штурмовская полиция, во многих районах Западного Берлина 7 октября также появились лозунги и плакаты, приветствующие первую годовщину Германской демократической республики.

В американском секторе города на Фейербахштрассе, взвился трехцветный национальный флаг. День Республики был праздником для трудящихся всего Берлина, всей Германии.

И. ПРИХОДЬКО

Волнующим моментом торжественного заседания в городской опере было вручение президентом республики Вильгельмом Пинном национальных премий немецким ученым, производственникам и деятелям культуры выдающиеся работы в области науки, новаторства, искусства и литературы.

Под бурные овации присутствующих президент выразил надежду, что скоро настанет такой день, когда национальные премии будут присуждаться немецким гражданам независимо от того, в какой части Германии — восточной или западной — они проживают.

По иному прошел день 7 октября 1950 года в западных районах Берлина. По улицам курсировали усиленные патрули штурмовской полиции, обыскивавшие прохожих.

Иными эрцями и бесчинствами отметили этот день «правители» западного Берлина. Но как ни усердствовала штурмовская полиция, во многих районах Западного Берлина 7 октября также появились лозунги и плакаты, приветствующие первую годовщину Германской демократической республики.

В американском секторе города на Фейербахштрассе, взвился трехцветный национальный флаг. День Республики был праздником для трудящихся всего Берлина, всей Германии.

И. ПРИХОДЬКО

Берлин.

Новое в поселке Сетунь

Недавно в поселке Сетунь открылись новые детские ясли. На снимке: агитатор В. Ф. Звонков беседует с заведующей яслями В. Н. Леоновой.

Фото В. Баграпова

Над поселком Сетунь опускаются ранние осенние сумерки, в сыром воздухе глухо звучит гудок. От заводских и рпурсов к южным кварталам идут рабочие, инженеры, служащие. Многие из них, прежде чем отправиться домой, заходят в партком и заводской комитет профсоюза, чтобы захватить свежие газеты, брошюры с недавно опубликованным Положением о выборах в местные советы РСФСР. Сегодня агитаторы побывают у избирателей на квартирах.

Василий Федорович Звонков, сотрудник заводоуправления, не первый год ведет агитационную работу в поселке. Несчетное количество раз шагал он знакомыми улицами. Звонков привык заглядывать в список адресов: почти каждый избиратель знаком ему лично, памятен по предыдущим встречам.

Первый визит — в общежитие молодежи. Как всегда, шумно под сводами длинных коридоров, из-за дверей доносится песни, звон гитары, веселые голоса. Здесь вот, в этой комнате, прошла весной жила молодой токарь Дмитрий Муравьев. Не раз, помнится, заставал его агитатор вечером за раскрытыми учебниками. «Тише, ребята», — говорили друг другу шумливые соседи Муравьева, — тише, Митя и энзимам готовятся.

А теперь нояка и столики Муравьева заняты другим юношей.

— Уехал от нас Митя, — поясняют соседи, — он теперь в Москве, в университете учится.

И парни рассказывают про своего друга: описания школу рабочей молодежи с золотой медалью, Дмитрий Муравьев поступил на математический факультет.

Но встретись в общежитии и электрики Николай Соловьев: вместе с молодой женой он переехал в новый дом, элитарный весной.

В квартире № 1 дома № 18-б двери открывает выхристый паренек.

— Витамин Рыбаков, — рекомендуется он.

Это второй сын старшего мастера Федора Васильевича Рыбакова. Он родился, когда отец — чернорабочий на стройке — жил еще в бараке. В период предвыборных выборов в местные советы Витя был школьником, а теперь он уже второй год учится в техникуме.

В квартиру № 26 недавно переехала Анна Алексеевна Пашнова, вдова погибшего фронтовика, с тремя детьми, и сестры Ирина и Александра Зуевы.

— Как довольны жильем? Все у вас в исправности? — спрашивает Звонков, заходя в просторную кухню.

— Довольны, Василий Федорович, — в один голос отвечают хозяйки, — плитой не находились, да и ванна хороша... А паровое отопление в порядке будет?

— Скоро затопим, — Звонков показывает в окно на двор, изрытый траншеями, и объясняет, что сейчас подходит к концу работы по реконструкции теплофикационной сети. Поселок растет, и для отопления домов под землей прокладываются новые трубы.

Рядом с домом, заселенным минувшей весной, за лето выросла еще одна милая сенция. Сейчас строители заканчивают внешнюю отделку корпуса. К 33-й годовщине Октября сюда въедут 130 семей.

В глубине двора, где минувшим летом разбили снег и соорудили красивый фонтан, выдвигается нарядно, ярко окрашенное здание детских яслей. Выбди из подъезда, агитатор останавливается потолковать с молодыми мамашами. Антолина Сергеевна и Татьяна Палкина по дороге с завода домой идут за своими малышами. У малышек тоже новоселье: новые ясли открыли только в сентябре.

По асфальту главной улицы поселка шумит шинками «Москвич». Из кабины выглядывают улыбающиеся лица Александра Ивановича Соколова и его сына Володи, «династия футболистов» — так зовут Соколовых в поселке. Глаза семьи, старший мастер — много лет бессменный тренер всесоюзной команды. Старший сын, Александр, и второй, Владимир, — заезжатые игроки.

Завидев агитатора, Соколов останавливает машину, чтобы поделиться своими спортивными заботами: стадион надо готовить к зиме.

Много хороших новостей в рабочем поселке Сетунь, что близ Мунцева, под Москвой!

С. МЕСЯЦЕВ

МЕЧТА АЛИМДЖАНА УМАРОВА

«Вода — мать урания», — говорят в народе. Мечта о воде была совершенной мечтой многих поколений. Она сбывается сейчас, в наши дни. Воды Волги, Днепра и Аму-Дарьи оросят и обводнят миллионы гектаров земель. И уже сейчас советские люди думают над тем, как лучше, рациональнее организовать систему орошения — так, как того требует постановление Совета Министров СССР. Об этом горячо говорили на состоявшемся в Москве Всесоюзном совещании по вопросу орошения.

В кулуарах совещания мы встретились во время перерыва с депутатом Верховного Совета Узбекской ССР Алимджаном Умаровым, человеком небольшого роста с бронзовым от загара лицом. Он стоял в фойе, окруженный группой специалистов-

хлопководов, засыпавших его вопросами.

Чем же так привлек к себе внимание делегатов совещания Алимджан Умаров? Он председатель колхоза «Коммунист». Опыт этой артели, так же как и других передовых хозяйств Узбекистана, был учтен при разработке постановления правительства о переходе на новую систему орошения.

Алимджан Умаров с увлечением рассказывает: — Было время, когда орошаемые земли нашего колхоза делились на 900 мелких участков, изрезанных каналами, межами и дорогами. На многих таких участках, обсаженных тутовыми деревьями, стояли курганы — необычные кибитки. Урожай хлопца-сырца не превышал шести — семи центнеров с гектара. Так было. А сейчас поля колхоза разделены

всего лишь на 95 поливных участков. Это позволило лучше использовать тракторы, а значит, и быстрее выполнять все работы. Кроме того мы расширили посевы хлопчатника, под которым теперь занято 500 гектаров. Впервые на полях колхоза появились хлопкоуборочные машины «СХМ-48».

Сокращая сеть постоянных оросительных каналов, мы начали широко применять поливы из временных оросительных участков, борозды и малой струей. При этом способе полива вода расходуется экономнее, борозды не затопляются и создаются благоприятные условия для развития хлопчатника.

В 1948 году нашим колхозом собрали с гектара по 32,6 центнера хлопца-сырца, а в нынешнем году, судя по всему, выращено на круг около 35—40 центнеров.

Умаров рассказывает о замечательных перспективах колхоза:

— В ближайшие два года у нас полностью завершится переустройство оросительной сети и укрупнение поливных участков. Урожай хлопка в 1956 году достигнет 45—50 центнеров с гектара. Это значит, что от одного лишь хлопководства годовой доход колхоза составит 10—12 миллионов рублей.

В нашу беседу включается Ф. Ф. Имайлов, заведующий Янги-Юльским районным отделом сельского хозяйства:

— Я бы хотел только добавить, что таких колхозов, как «Коммунист», в нашем районе много; именитые фермеры — имени Ворошилова «Коммунизм» и другие. Район наш дважды добивался мирового рекорда по урожайности хлопка.

Через несколько лет, когда во всех колхозах будет введена новая система орошения, мы соберем урожай по 45 центнеров с гектара со всей страны.

Н. ДЫМОВ

На снимке (слева направо): заведующий отделом сельского хозяйства Янги-Юльского района Узбекской ССР, Герой Социалистического Труда Ф. Ф. Имайлов, заместитель министра хлопководства СССР академик А. Н. Аскокенский, председатель колхоза «Коммунист» Янги-Юльского района, Алимджан Умаров.

ДЕЛЕГАТЫ МИРА

Его выбрали портовики

Шарапов стоит у широкого, почти во всю стену окна, из которого видны причальная линия, кран, швартующийся пароход... Знакомая, родная картина!

Константин Васильевич только что вернулся с собрания, которое выбрало его делегатом на вторую

Константин Васильевич Шарапов.

Всесоюзную конференцию сторонников мира. Благодаря товарищам, оказавшим ему эту честь, он сказал на собрании:

— Как и миллионы моих соотечественников, я был солдатом в войне против гитлеровцев. Мы победили. Теперь я участвую в битве за мир. И эта битва будет нашей выигранной.

Те, кто слушал его, знали, что он был хорошим, храбрым воином, что доблесть его отмечена двумя боевыми орденами и многими медалями. Среди присутствовавших было немало людей, которые вместе с ним во второй день войны отправились на эскадрилью миноносцев в бой. Эсминец отходил от

того самого причала, где еще два дня назад Шарапов и его бригада крановщиков грузили и разгружали торговые суда.

В матросском бушлате он сражался у Колпины, на Сильвинских Болотах — в местах, навсегда овеянных ратной славой. На Ленинградском фронте воевали там же два его брата: Георгий и Александр. Узнав, что Георгий совсем рядышком, в соседней части, Шарапов пришел его искать, но опоздал: брат был накануне тяжело ранен и умер в госпитале. В тот же день Константину Васильевичу передали письмо из Ленинграда, от соседей по дому. Они сообщали, что его сыншишка Юра умер от голода, а дочурка Бала вывезена с эскадрией в Сибирь, на Обь.

Вспоминал все это, Шарапов сказал на собрании кратко и просто:

— Я немало поваял за эти годы. Он стоял у трибуны, высокий, подтянутой, стройный. Говорил негромко, спокойно, уверенно и с справедливости собственных слов, ни одно из которых не только продумано, но и выстрадано:

— Мы не хотим войны! Но разве достаточно одного лишь желания? Мир надо отвоевать!

Шарапову не нужно было рассказывать свою биографию людям, пожалавшим послать его делегатом в Москву на конференцию. Часть из них помнила его совсем еще юным крановщиком, удкалившим всех любознательностью и смелостью. Другие знали Константина Васильевича уже опытным механиком. Многие учились у него. Многие помогали ему осуществить после войны то, что называют теперь на морском транспорте шаратовским движением.

В специальных технических статьях и брошюрах говорится об этом так: «Борьба за длительную эксплуатацию кранов без отвода их на ремонт». В тех же статьях и брошюрах приводится среди других такая цифра: 80 тысяч рублей сэкономили за год Шарапов и его последователи в Ленинградском торговом порту.

Ему не нужно было рассказывать свою биографию и потому, что в зале сидели те же люди, которые послали его в первую годовую на первую Всесоюзную конференцию сторонников мира.

Теперь они во второй раз выбрали его делегатом от их имени слово за защиту мира.

М. ЛАЗАРЕВ

Чтобы крепили латышские колхозы...

Ян Вольдемарович Пейве сейчас в отпуске. Несольшой одностаянный домик, в котором отдыхает руководитель Латвийской сельскохозяйственной академии профессор Ян Вольдемарович Пейве, стоит в тихом уголке Рижского залива, окруженный яркими осенними цветами. Сюда и прибыла радостная для ученого весть — об избрании его делегатом Всесоюзной конференции сторонников мира. Мы застали профессора на веранде. Я, В. Пейве сидел за небольшим столиком и что-то писал.

— Хорошо трудиться здесь, — сказал он, отрываясь от работы.

— Но вы в отпуске!

— Самое хорошее время. Можно написать то, что обдумано и выношено.

Ян Вольдемарович берет в руки объемистую стопу исписанной бумаги.

— Это будет книга о технических культурах Латвийской ССР, — сказал он. — Книга предназначена для наших агрономов и колхозного актива. Такие культуры, как лен и сахарная свекла, должны занять почетное место на колхозных полях

советской Латвии. Необходимых для этого знаний и умений у наших колхозников еще недостаточно. Но на помощь приходит огромный опыт, накопленный за многие годы стажерами братских республик, достигший передовой научной науки.

Я, — продолжает профессор, — изучал работы лучших мастеров высоких урожаев технических культур в Калининской и Кировской областях, на Украине, в Белоруссии, проводил большое количество опытов на наших республиканских селекционных станциях. Материала собралось много. И, верите, как сяду с утра за этот столик, не могу оторваться. Чувствую, что своим трудом должен принести пользу человеку. А такое сознание для нас советских ученых, — наибольшая радость...

В последнее время я принимал непосредственное участие в организации сбора подписей трудящихся Латвии под Стокгольмским Воззванием. Но свою задачу я, как член Советского Комитета защиты мира, рассматриваю шире. Надо трудом и творчеством слушать мир-

Ян Вольдемарович Пейве. Фото А. Мохлецова

ной жизни своего народа. Все советские люди стоят сейчас на вахте мира. Стоят на этой почетной вахте и ученые. Коллектив научных работников, которым я руковожу, старается внести посильную лепту в борьбу колхозников за высокие урожаи.

Много проведено много научных опытов по изучению действия новых мифроудобрений на урожайность различных сельскохозяйственных культур, выращиваемых в Латвии. Теперь я приложу все усилия для быстрого их внедрения в практику колхозов и совхозов.

Великий Сталин указал латышскому крестьянству путь и счастливой жизни, к коммунизму. И мы, ученые, считаем для себя самой большой честью все свои знания посвятить процветанию колхозов. А чем крепче станут колхозы, тем могущественнее будет Советская страна — оплот мира во всем мире.

...Закончив беседу, мы вышли на улицу. Ребёнок шлепала на деревьях позолоченной осенью листва. Оглянувшись, мы увидели на веранде профессора, снова склонившегося над столом.

Р. ЕВГЕНЬЕВ

Сталь Петра Болотова

Осенью 1941 года фашистские захватчики рвались в глубь Донбасса. Над городом Енакиевое, мирным городом шахтеров и металлургов, день и ночь гудели фашистские самолеты. Фронт приближался. Оборудование заводов и люди эвакуировались в дальний тыл.

Сталевар Петр Григорьевич Болотов готовился идти на фронт. — Ты нужен в тылу, на Урале, — сказали ему. — Там тоже фронт.

Ранней весной 1942 года Петр Болотов стал на первую фронтную вахту у марганцевой печи № 4 Ново-Тавгильского металлургического завода.

С великой страстью работал Болотов для фронта. А когда наступил праздник Победы, сталь Болотова пошла на нужды мирного строительства. Вместе со всем советским народом он вновь обрел счастье мирного труда.

«Как ускорить процесс плавки и

увеличить съём стали? — задумался Петр Григорьевич. Личный опыт, книги, советы инженеров помогли ему найти ответ, выработать тот знаменитый болотовский метод скоростной и топливосэкономной плавки, который теперь подхватили многие сталевары Урала. Срок плавки сокращен почти в два раза, а съём стали с квадратного метра пода печи увеличен почти вдвое.

Сталевар борется за мир не только у своего мартена: трудящиеся Николая Тагила послали его делегатом на Всесоюзную конференцию сторонников мира. Они дали ему наказ:

— Иди и заяв от нашего имени, от имени наших детей, жен и матерей, что мы хотим добывать руду, плавить чушки, варить сталь и строить машины не для войны, а для наших гидростанций, каналов... А еще скажи: горе там, кто осмелится нарушить наш мирный труд.

А. САЛЫНСКИЙ

Знатный сталевар-скоростник Петр Болотов.

Фото Н. Тюфякова